

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**Каршинский государственный университет
Факультет иностранных языков
Кафедра русского языка и литературы**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

ЖАЛИЛОВА БЕКЗОДА

**на присвоение степени бакалавра по направлению
5111300 – Родной язык и литература (русский язык и литература)**

**на тему: «ТЕМА ВОСПИТАНИЯ В ОЧЕРКЕ Н.С.ЛЕСКОВА
«КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ»»**

Научный руководитель: ст. преп. Пардаева Д.Р.

«Рекомендовано к защите»

Декан факультета

Иностранных языков:

_____ доц. Хамраева Ё.Н.

«__» _____ 2016 год

Карши - 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР Н.С.ЛЕСКОВА	
1.1. Своеобразие творчества Лескова-писателя.....	5
1.2. Отражение народной жизни в творчестве Н.С.Лескова.....	13
II. ТЕМА ВОСПИТАНИЯ В ОЧЕРКЕ Н.С. ЛЕСКОВА	
«КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ»	
2.1. Идеи гуманистического воспитания.....	32
2.2. Отражение гуманистической системы воспитания в русской литературе XIX в.....	36
2.3. Отражение темы воспитания в очерке Н.С. Лескова «Кадетский монастырь».....	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	53
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	56

ВВЕДЕНИЕ

«Мы всегда с большой благодарностью вспоминаем о том, какое мужество и героизм проявили представители старшего поколения, чтобы сохранить чистое небо над нашей Родиной, оградить ее от любых бед и напастей, их неоценимый вклад в повышение экономического, культурного и духовного потенциала страны, формирование атмосферы мира, согласия и стабильности в нашем обществе. Обладающие большим жизненным опытом, эти люди с такими присущими им прекрасными, благородными качествами, несомненно, являются достойным примером для наших детей, молодежи, способствуют ее воспитанию в духе гуманизма и добра»¹.

Гуманизм и добро, как отмечал наш уважаемый Президент И.А.Каримов, занимают одно из ведущих мест в гармоничном развитии молодежи – это означает, что будущие учителя должны знать дидактические и гуманистические функции педагогики, знать историю культуры, искусства, литературы своего народа, а также других народов. В частности, особая роль принадлежит и русской литературе. Классическая литература во все времена была и остается вершиной художественного слова, источником воспитательных идей, носительницей гуманистических идеалов. В этом отношении мы можем рассмотреть творчество замечательного русского писателя Н.С.Лескова.

Актуальность исследования. Гуманистическая система воспитания – это проблема современной гуманитарной науки. В связи с этим исследование идеи гуманизма в воспитательном процессе на примере очерка Н.С.Лескова «Кадетский монастырь» представляется нам актуальной.

Объектом исследования является художественный текст «Кадетский монастырь» Н.С.Лескова.

¹ <http://www.press-service.uz/> - Доклад Президента Ислама Каримова на торжественном собрании, посвященном 23-й годовщине Конституции Республики Узбекистан - 05.12.2015

Предмет исследования – тема воспитания в очерке Н.С.Лескова «Кадетский монастырь».

Научная новизна данного исследования заключается в том, что здесь делается попытка выявить идеи гуманизма в воспитательном процессе на примере очерка Н.С.Лескова «Кадетский монастырь».

Цель исследования является выявление особенностей гуманистической системы воспитания в очерке Н.С. Лескова «Кадетский монастырь» посредством изучения исторических фактов художественного мира произведений Лескова.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть особенности творчества Н.С.Лескова.
2. Изучить взаимосвязь педагогики и художественной литературы.
3. Выявить отражение гуманистической системы воспитания в русской литературе XIX в.
4. Изучение раскрытия темы воспитания в очерке Н.С.Лескова «Кадетский монастырь».

Методологической основой исследования являются труды Президента Республики Узбекистана И.А.Каримова, его выступления, а также теоретические и критические работы, посвященные творчеству Н.С.Лескова.

Методы исследования анализ художественного текста и научной литературы; синтез теоретических положений и практических реализаций гуманистических принципов системы воспитания.

Практическая значимость выпускной работы определяется возможностью использования результатов исследования в вузовских курсах по истории русской литературы.

Структура и объем работы. Работа состоит из 56 страниц (10843 слов), состоящих из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

І. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР Н.С.ЛЕСКОВА

1.1. Своеобразие творчества Лескова-писателя

Небывалый талант Лескова - одного из крупнейших русских писателей-классиков, созданный им ярко оригинальный, самобытный художественный мир ни при жизни писателя, ни долгое время после его смерти не могли оценить по достоинству. «Достоевскому равный, он - прозёванный гений», - стихотворная строчка Игоря Северянина о Лескове до недавнего времени звучала горькой истиной.

Лескова пытались представить то бытописателем, то рассказчиком анекдотов, то словесным «фокусником», в лучшем случае - непревзойдённым «волшебником слова» и т.д.

Своеобразие писателя, прежде всего, связано с его духовно-нравственными воззрениями, во многом определившими идейно-тематическое содержание творчества, его уникальную художественно-образную систему, а также независимую писательскую позицию в различных общественных вопросах. Лесков был убеждён в том, что книги должны «не только занять внимание читателя, но дать какое-нибудь доброе направление его мыслям». Это «доброе направление» писатель связывал с христианством, отмечая: «я имел в виду важность Евангелия, в котором, по моему убеждению, сокрыт глубочайший смысл жизни»². «Истина, добро и красота» (V, 88) - в этой триединой формуле Лесков выразил идеал, к которому необходимо стремиться.

Обладая редкостным художественным диапазоном, незаурядным по широте охвата явлений действительности, писатель сумел эстетически воплотить многокрасочную полноту мира. Как былинного богатыря русского эпоса, Лескова, по его словам, ««тяготила тяга» знания родной земли» (XI,

² Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. - М.: Правда, 1989. - Т. 11. - С. 233. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте. Римская цифра обозначает том, арабская - страницу.

321), которая получила завершённое художественное выражение в создании объёмно-стереоскопической, порой мозаично пёстрой картины жизни России. Писатель «насквозь русский»³, знавший русского человека «в самую его глубь», воплотил в своих героях - с их речью, мироощущением, душевными порывами - все существенные особенности национального характера. В прозе Лескова, «как ни у одного другого писателя нашей земли», открывается «целый мир невиданной красоты, неповторимых образов, сверкающей фантазии, расписной, причудливый мир, где Русью пахнет - и сладко, и горько, и нежно, и дымно»⁴.

В то же время Лесков имел, говоря его словами, «сознание человеческого родства со всем миром»⁵. Лесковская художественная вселенная выростала из тесного сплава с крупнейшими достижениями мировой литературы, русской и зарубежной социально-философской мысли. Проповеднически утверждая свои идеалы, писатель опирался на «поистине всечеловеческую культурно-нравственную традицию»⁶.

Лесков вступил на литературное поприще в 1860-е годы, будучи уже зрелым, сформировавшимся человеком с большим жизненным опытом и огромным запасом житейских наблюдений. Не завершив образования в орловской гимназии, «свои университеты» будущий писатель постигал «самоучкой». В возрасте 15-ти лет он поступил на казённую службу, трудился в мелкой должности писца и уже здесь почерпнул немало живого и интересного материала для творчества. Орловские впечатления легли в основу множества лесковских произведений, и не случайно писатель подчёркивал: «в литературе меня считают орловцем».

³ Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. - М.: Худож. лит., 1984. - Т. 1. - С. 191.

⁴ Нагибин Ю. О Лескове // Нагибин Ю. Литературные раздумья. - М.: Сов. Россия, 1977. - С. 75.

⁵ Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. - М.: Худож. лит., 1984. - Т. 2. - С. 349.

⁶ Афонин Л.Н. Слово о Лескове. - Т. 76 (169). - Курск, 1977. - С. 10.

Неистощимым источником литературных материалов стала также работа Лескова в коммерческой фирме «Шкотт и Вилькенс». Впоследствии в «Заметке о себе самом» (1890) писатель вспоминал, что «изъездил Россию в самых разнообразных направлениях, и это дало ему большое обилие впечатлений и запас бытовых сведений».

Вначале творческого пути Лесков выступил как публицист. Он сотрудничал в различных периодических изданиях Москвы и Петербурга, и уже первые публикации «нового орловца» привлекли внимание читателей актуальной проблематикой, живой достоверностью и объёмностью знаний, честной авторской позицией, искренней интонацией.

Знаменательно, что самое начало литературного труда Лескова означено постановкой духовной христианской темы. Его первым печатным произведением явилась заметка «О продаже в Киеве Евангелия» (1860). Автор, ратуя за распространение в русском обществе христианского духа, высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, тогда только появившийся на русском языке, доступен не каждому из-за высокой стоимости издания. С тех пор о «важности Евангелия» Лесков размышлял, говорил и писал постоянно - до последних дней своих. На склоне лет маститый автор признавался в том, что именно «хорошо прочитанное Евангелие» открыло ему истинный путь и его человеческое призвание.

В своей дебютной публикации Лесков верно полагал, что ситуация коммерческих спекуляций с Евангелием препятствует широкому распространению слова Божия в понятной и всякому доступной форме. Реализация этого задания - распространять слово Божие в понятной и всякому доступной форме - явилась впоследствии главной созидательной установкой всего лесковского творчества.

Стремясь, по его словам, «пролить в массы свет разума», Лесков - публицист-просветитель поднимал множество тем: «О рабочем классе», «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России», «Полицейские

врачи в России», «Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе», «Торговая кабала», «Очерки винокуренной промышленности», «Русские женщины и эмансипация», «Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению», «Русские люди, состоящие «не у дел», «О переселённых крестьянах», «О литераторах белой кости» и др.

В своих заметках, статьях, очерках, многие из которых и сегодня воспринимаются как остро актуальные, автор не просто высказывал собственное мнение по животрепещущим социально-экономическим, политическим, культурным вопросам, но и обращался к самой сути жизни России, ни на минуту не забывая об ответственной позиции «глашатая истины», призванного к активной борьбе со злом, произволом, деспотизмом, невежеством, косностью и другими пороками.

30 мая 1862 г. в газете «Северная пчела» появилась ставшая злополучной для Лескова его статья о петербургских пожарах «Настоящие бедствия столицы». Автор публикации справедливо призывал бездействующую власть опровергнуть слухи о поджигателях или - если толки небеспочвенны - найти и наказать злодеев. Однако в раскалённой политической атмосфере тех лет эти призывы были истолкованы превратно. Лесков оказался в положении «между двух огней». «Пожарная статья» вызвала суровые нападки «справа» и «слева»: со стороны правящего лагеря своё неодобрение выразил Александр II, радикальная критика фактически объявила Лескову бойкот. Писатель, по его словам, был «распят заживо», стал мишенью для насмешек и издевательств.

Истоки писательства, заявленные в публицистике Лескова, вылились в его раннюю художественную прозу: весной 1862 г. в периодической печати были опубликованы рассказы «Погасшее дело», «Разбойник», «В тарантасе».

Знаменательно, что первым героем лесковской беллетристики стал сельский священник - отец Илиодор. В подзаголовке дебютного своего художественного произведения «Погасшее дело» (впоследствии: «Засуха»)

(1862) автор указал: «Из записок моего деда». Дед Николая Лескова умер ещё до рождения внука, но будущий писатель знал о нём от родных: «всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Димитрия Лескова» (XI, 8). В характере героя «Засухи» многое предвещает центральную фигуру романа-хроники «Соборяне» (1872) - Савелия Туберозова, на прототип которого прямо указал писатель в «Автобиографической заметке»: «Из рассказов тётки я почерпнул первые идеи для написанного мною романа «Соборяне», где в лице протоиерея Савелия Туберозова старался изобразить моего деда». Важно заметить, что дневник Савелия - «Демикотоновая книга» - открывается датой 4 февраля 1831 года - это день рождения Лескова (по старому стилю). Так писатель биографически «включает» себя самого в заветный текст дневника своего героя - бесстрашного проповедника слова Божия, являет свою родственную и духовную сопричастность «мятежному протопопу».

Отец Илиодор в «Засухе» - столь же привлекательный и мощный художественный образ. Это настоящий батюшка для крестьян, живущий их нуждами; бескорыстный, готовый без всякой мзды отпевать молебны о дожде, дабы предотвратить неурожай и голод; доброжелательный, участливый, отечески заботливый. Но он может быть и настойчивым, и гневным, когда отговаривает крестьян от их варварского языческого плана - сделать свечу из умершего от пьянства пономаря с целью прекратить засуху. Рассказ позднее был объединён автором с рассказом из народной жизни «Язвительный» (1863) под общим заголовком «За что у нас хаживали в каторгу». «Засуха» - также прелюдия к поздней «рапсодии» Лескова «Юдоль» (1892), в которой писатель ровно тридцать лет спустя показал то же дикое невежество «малосмысленной» крестьянской массы - при сходных обстоятельствах (место действия - Орловская губерния, время - голод 1840-х годов и 1891 года).

О пастырском служении - «учить, вразумлять, отклонять от всякого вздора и суеверий» (I,114) - размышляет герой дебютного рассказа Лескова. Эти раздумья продолжаются в его первой большой повести «Овцебык» (1862). Главный герой носит знаменательную фамилию - Богословский - «носитель слова Божьего». Сын сельского дьячка, выросший в горькой нужде, выучившись в семинарии, отказался от поприща священника, однако не сделался атеистом и нигилистом. Искренне желая просветить народ, Василий Богословский в конце жизни сожалеет, что не стал священнослужителем, к авторитетному слову которого люди привыкли прислушиваться: «Васька глупец! Зачем ты не поп? Зачем ты обрезал крылья у слова своего? Не в ризе учитель - народу шут, себе поношение, идее - пагубник»(I,94).

«Овцебык»-Богословский - «странный зверь в пределах нашей чернозёмной полосы» - списан с натуры⁷. Прототипом эксцентричного героя послужил Павел Иванович Якушкин - известный фольклорист и этнограф, образ которого вошёл в поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» под именем «Павлуша Веретенников». Впоследствии Лесков посвятил своему земляку очерк «Товарищеские воспоминания о П.И. Якушкине» (1884).

Наивная попытка героев и повести, и очерка вести пропаганду в народе осталась нереализованной. Сама «идея», с которой они идут в народ, неясна: «В готовности <...> его жертвовать за избранную идею никому и в голову не приходило сомневаться, но идею эту нелегко было отыскать под черепом нашего Овцебыка». Богословского не раз именуют «шутом», «чудаком», даже «отставным комедиантом». Якушкин для мужиков - «кто-то ряженный». У героев нет уверенности в правильности избранного пути: «О, когда б я знал, что с этим можно сделать!.. Я на ощупь иду»[I,88].

⁷ Новикова А.А. Николай Семёнович Лесков: своеобразие художественного мировосприятия. - Орёл: ОРЛИК, 2005. - С. 56.

«Новые люди» - революционные демократы в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) - по замыслу автора, знали, куда идти. Писательская интуиция Лескова, не разделявшего позицию революционных «нетерпеливцев», подсказывала ему, что это трагический путь. Судьбы его героев обрываются тупиком, многозначительно поименованным в повести «Овцебык» словом-символом «некуда». Убедившись, что жизнью правят «мужи кармана» [I, 85], подобные коммерсанту Александру Свиридову, Василий Богословский приходит к безнадежному выводу: «некуда идти. Везде всё одно. Через Александров Ивановичей не перескочишь» [I, 85]. Герой кончает жизнь самоубийством.

Выход из тупика и подстерегающей человека трагедии был намечен в лирическом отступлении автора - одном из самых поэтичных фрагментов художественного мира Лескова - в описании впечатлений от его детских поездок по монастырям, собственных первых опытов православного благочестия, чистой, не замутнённой разьедающим скепсисом веры, общения с монастырским людом, который знает, что разгадки смысла жизни не существует вне Бога.

Исследование вопроса о социальных преобразованиях русской действительности, проблем освободительного движения писатель продолжил в «полемическом» романе «Некуда» (1864). Здесь трагическое слово-образ, ранее прозвучавшее в «Овцебыке», демонстративно вынесено в заглавие.

Вслед за романом Тургенева «Отцы и дети» (1862) Лесков исследует общественно-исторические противоречия переломной эпохи, проблему нигилизма, столкновение «отцов» и «детей», консервативной и радикальной среды, «старой» России и «новых людей», горящих стремлением переустроить общий уклад жизни. Задача автора - «отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами».

Ранее - в статье «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?»» (1863) - Лесков сочувственно отзывался о «настоящих

нигилистах», которые «терпеливо идут к своей предположенной цели, заботясь, прежде всего, о водворении в общине самой широкой честности» [X, 20]. В то же время писатель беспощадно заклеил «грубую, ошалелую и грязную в душе толпу пустых и ничтожных людишек, искаживших здоровый тип Базарова и опрофанировавших идеи нигилизма» [X,19].

«Чистые нигилисты» представлены в «Некуда» в образах Вильгельма Райнера (его прототипом явился Артур Бенни, которому Лесков посвятил очерк «Загадочный человек» - 1870), Лизы Бахаревой, Юстина Помады. Это великодушные, самоотверженные, героические натуры, готовые жертвовать собственной жизнью ради идеала «неугасимой жажды света и правды»⁸. Райнер погиб как мученик. Лиза отправилась в путь, чтобы в день казни своего возлюбленного быть рядом с ним. Пережив сильнейшее нравственное потрясение, на обратном пути она простудилась и умерла от воспаления лёгких.

Самозванные нигилисты с их вульгарной профанацией чистых идеалов, призывами «залить кровью Россию» способны только «засорить путь». С такими попутчиками героям - романтикам высокой нравственной идеи «возможно большего блага для возможно большего числа людей» [XI, 660] - идти некуда. Полное фиаско терпит пошлый позёр и прохвост Белоярцев, организовавший Дом Согласия как псевдообразчик социалистического общежития. В реальности такую же неудачу потерпела Знаменская коммуна В. Слепцова, узнавшего себя в образе Белоярцева.

Памфлетность романа, сходство действующих лиц с реальными прототипами вызвали гневную отповедь радикальной критики. Особенно резко высказался идейный вождь русских нигилистов Д.И. Писарев (также земляк писателя - орловец). В статье «Прогулка по садам российской словесности» (1865) он вынес Лескову обвинительный приговор, которому суждено было пристать к имени писателя надолго: «Двадцать лет

⁸ Нагибин Ю. О Лескове // Нагибин Ю. Литературные раздумья. - М.: Сов. Россия, 1977. - С.159.

кряду...гнутое оклеветание нёс я, и оно мне испортило немного - только одну жизнь...» [XI, 659]. Двери демократических печатных изданий для Лескова были закрыты: «Ведь просто приткнуться некуда тому, кто написал «Некуда» [XI, 810]. Некоторое время он сотрудничал в консервативном журнале «Русский вестник», редактор которого М.Н. Катков впоследствии заявил о Лескове: «этот человек не наш!». Писатель не без оснований поименовал Каткова «убийцей родной литературы» [X, 412].

1.2. Отражение народной жизни в творчестве Н.С.Лескова

Лесков «не изучал народ», «но вырос в народе», знал «русского человека в самую его глубь». До последних дней не остывал его проникновенный интерес к жизни народа. В Юности объездивший пол-России, он был в народе свой человек. «У него на дому можно было встретить и старообрядцев, и монахов, и богомольцев, якобы возвращавшихся с Афона или Иерусалима». Это было не просто познание народа, но, то живое духовное приобщение, которое научило писателя «прислушиваться к голосу народному и брать мнения народные в соображение» и (в то же время) романтически одухотворенно смотреть на людей «глазами той именно среды, где они чудотворят».

Для всего творчества Лескова, замечательно знавшего отечественную историю, характерно не только реалистическое воспроизведение примет определенных исторических эпох, но и романтическое использование тем и образов национальной истории для воссоздания обобщенно-исторического колорита, служащего утверждению национальной самобытности и вместе с тем романтической идеализации прошлого. Лесковское творчество проникнуто подлинным, не книжным знанием народной жизни. В цикле статей «Русское общество в Париже» (1863) автор с гордостью заявлял: «Я не изучал народ по

разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. Я с народом был свой человек» [III, 206 – 207]. Детство будущего писателя прошло у речушки Гостомли на Панином хуторе Кромского уезда Орловской губернии. Не случайно его первые беллетристические произведения о народной жизни, овеянные фольклорно-песенной стихией, отличаются точностью топонимики и этнографии и носят подзаголовок «Из гостомельских воспоминаний»: рассказ «Ум своё, а чёрт своё» (1863), «крестьянский роман» «Житие одной бабы» (1863) - о красоте, талантливости, человеческом достоинстве и трагической судьбе женщин из простонародья. Словом «житие» автор подчеркнул высоту и святость страдальческой жизни своей героини - гостомельской крестьянки Насти Прокудиной.

Острый интерес Лескова к незаурядным, непостижимым женским характерам сказался также в очерках «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) и «Воительница» (1866).

В российской глубинке - в уездном городке Мценск Орловской губернии - писатель отыскал характер шекспировского масштаба. Натура «леди Макбет» - купеческой жены Катерины Измайловой, пылко влюблённой в приказчика Сергея и совершившей во имя этой страсти череду кровавых злодеяний и грех самоубийства, вызывает изумление и ужас: «Ни в какую типологию характеров не уложишь лесковскую четырёхкратную убийцу ради любви»⁹. Объяснения с просветительских позиций - губительным влиянием косной среды, страстей, вышедших из-под контроля разума, - будут явно недостаточными.

Подобно Достоевскому, в чьём журнале «Эпоха» впервые была опубликована повесть, Лесков погружается в изучение бездн добра и зла, которые ведут непрерывную битву в душе человеческой. Борьба ангелов с

⁹ Аннинский Л.А. Лесковское ожерелье. - М.: Книга, 1982. - С. 90.

демонами особенно очевидна в сцене убийства ребёнка-наследника. Незадолго до гибели Федя предлагает «тётеньке» почитать житие его Ангела - святого Феодора Стратилата: «Вот угождал Богу-то». «Катерина Львовна подперлась рукою и стала смотреть на шевелящего губами Федю, и вдруг, словно демоны с цепи сорвались». Демоническое начало одерживает верх в душе расчётливой и бестрепетной преступницы, одурманенной своей страстью, лишённой религиозного чувства: «уж ни Бога, ни совести, ни глаз людских не боится» [XI, 125-130].

С точки зрения христианских представлений, зло неуклонно ведёт своих носителей к самоуничтожению. Подобно тому, как в евангельской притче бесы, вошедшие в свиней, бросились в бездну, так Катерина Львовна гибнет в водной пучине, увлекая за собой соперницу и заставляя окаменеть от страха зрителей этой жуткой драмы.

Драматическое в переплетении с комическим представил Лесков в «Воительнице». Героиня очерка Домна Платоновна - также в прошлом мценская купчиха, обосновавшаяся в столице. Эта бойкая «деловая женщина» посвящает себя «отяготительным трудам» и ведёт, по её словам, «самую прекратительную жизнь» (I, 149). Она участвует в массе мелких торговых и посреднических сделок: сватает женихов и невест, отыскивает деньги под заклад, ищет работу гувернанткам и лакеям, разносит тайные любовные записочки в будуары светских дам. В то же время эти вечные хлопоты - потребность активной, энергичной натуры: «Завистна уж я очень на дело; сердце моё даже взыграет, как вижу дело какое есть» [I, 150]. Здесь обнаруживается своего рода артистизм даровитого характера: она «любила своё дело как артистка: скомпоновать, собрать, состряпать и полюбоваться делами рук своих» [I, 151]. «Петербургские обстоятельства», где «ещё больше всякий человек ухитряется» и много «пошло обманов да выдумок», вызывают негативное отношение героини: «отврат да и только» [I, 146]. В то же время сама она, простая и добросердечная, причастна этому хищному,

циничному миру, выступая в низкой роли сводни в истории с попавшей в беду молодой дворянкой Леканидой, чьи душевные терзания Домне Платоновне непонятны.

В конце жизни ей послано своего рода «возмездие» - безоглядная любовь к непутёвому парню Валерке вдвое моложе неё, которому она отдала всё, что имела.

В «Воительнице» впервые в творчестве Лескова в полной мере проявилось его неподражаемое мастерство сказа, в котором писатель не имел себе равных. Повествовательная форма свободного говорения, устного рассказывания героя - его голосом, в его собственной манере и с характерными интонациями - представляет собой многогранную языковую призму. «Постановка голоса у писателя, - пояснял Лесков, - заключается в умении овладеть голосом и языком своего героя мои священники говорят по-духовному, нигилисты - по-нигилистически, мужики - по-мужицки, выскочки из них и скоморохи - с выкрутасами и т.д.». В то же время умение «говорить» устами своих героев становится важнейшим художественным способом постижения самой сути характера, сознания, психологии человека, а также глубинных основ национальной жизни¹⁰.

В середине 1860-х годов Лесков создал два романа на темы из петербургской жизни - «Обойдённые» (1865) и «Островитяне» (1866).

Извечный конфликт добра и зла, воплощённый в современном мире буржуазно-юридических установлений, представлен в единственном лесковском драматическом произведении «Расточитель» (1867). Вслед за А.Н. Островским, чьи пьесы Лесков высоко ценил, он выступает обличителем «тёмного царства». 60-летний купец Фирс Князев - «вор, убийца, развратитель» (I, 443). Его антипод - добрый и мягкий Иван Молчанов - предстаёт в роли мученика, жертвы деспотического произвола.

¹⁰ Дыханова Б.С. В зеркалах устного слова (Народное самосознание и его стилевое воплощение в поэтике Н.С. Лескова). - Воронеж, 1994.-С.178.

Пользуясь своим положением «первого человека в городе» и продажностью суда, старый купец добивается, чтобы Молчанова признали «злостным расточителем» и устранили «от права распоряжения своим имуществом» [I, 447], которое передаётся в опеку Князеву. Молодой человек, обращаясь к своим истязателям, обличает беззаконие: «Вы расточители!.. Вы расточили и свою совесть и у людей расточили всякую веру в правду, и вот за это расточительство вас все свои и все чужие люди честные - потомство, Бог, история осудят...» [I, 444].

В лесковский юбилейный год хорошо было бы увидеть его незаслуженно забытую пьесу в репертуарах театров.

Критическое отношение Лескова к росту капиталистических тенденций, влекущих за собой падение идеалов, «меркантилизм совести», распад человеческих - в том числе родственных - связей, когда все друг с другом «на ножах», с особой художественной силой выразилось в его творчестве начала 1870-х годов. Романа «На ножах» (1871) в нынешнем году также отмечен «круглой датой» - 140 лет со дня создания. Однако при перечитывании не оставляет ощущение, что читаешь о происходящем в России сегодня.

У романа тоже сложная судьба. Долгое время он не переиздавался, фактически был под запретом. Воспринимаемый одними как «антинигилистический», другими - как «антибуржуазный», в своей религиозно-философской основе он воплощает, прежде всего, христианскую концепцию человека и мира.

Невнимание к духовной природе человека, отказ от Бога, отрыв от почвы приводят к тому, что бывшие «нигилисты» окончательно перевоплотились в буржуазных дельцов, ловких авантюристов, мошенников, живущих по звериным законам борьбы за существование. Таковы в лесковском романе соучастники преступлений Глафира Бодростина и Павел Горданов; «подлый жид» и ростовщик Тишка Кишенский; его любовница

Алинка Фигурина, обокравшая собственного отца; безнатурный «межеумок» Иосаф Висленёв; его сестра Лариса, одержимая гордыней и себялюбием.

Архитектоника «На ножах» сродни роману Достоевского «Бесы», созданному в том же 1871 году, с его хаотичным «бесовским» кружением переродившихся людей, утративших духовно-нравственную опору. Как кошмар, нарастают в лесковском романе преступные происки, шантаж, вымогательство, внезапные исчезновения, маскировки и мистификации, супружеские измены, дуэль, двоемужество, самоубийство, убийства.

«Бесовскому» самоистреблению тёмных сил противостоит светлое созидательное начало духовно-нравственного мира христианской жизни. Её идеалы исповедуют праведница Александра Синтянина, человек чести и долга - «испанский дворянин» Андрей Подозёрв, священник отец Евангел, «истинный нигилист» майор Форов и его многозаботливая жена Катерина Астафьевна, «умная дурочка» Паинька, «великомученица» Флора. По мысли Лескова, самоотверженная любовь, деятельное добро, милосердие должны стать не только ориентиром, но и нормой человеческих отношений, социально-нравственным регулятором общественной жизни. Следование этим спасительным заповедям поможет уберечься от нравственной порчи, удержаться на краю бездны.

Роман «На ножах» создавался почти в одно время с хроникой «Соборяне» (1872) (варианты - «Чающие движения воды», «Божедомы»). М. Горький отмечал, что после романа «На ножах» творчество Лескова «становится яркой живописью или, вернее, иконописью, - он начинает создавать для России иконостас её святых и праведников»¹¹. Согласно народной легенде, «без трёх праведных несть граду стояния». Духовно-нравственной опорой жизни Старгорода (место действия «Соборян») являются три священнослужителя - «мятежный протопоп» Савелий Туберозов, кроткий и смиренный священник Захария Бенефактов и

¹¹ Горький М. Н.С. Лесков // Собр. соч.: В 30 т. - М.: ГИХЛ, 1953. - Т. 24. - С. 231.

«казак в рясе» дьякон Ахилла Десницын (как бы новый Ахиллес - воин Христа). Они воплощают идеальные образы православного духовенства.

Протоиерей Савелий обладает обострённым нравственным чувством, гражданским самосознанием, могучей деятельной натурой: «не философ я, а гражданин <...> скорблю и страдаю без деятельности» [IV, 69]. Непрестанно ощущая в себе горение проповеднического дара - живой речи, направляемой от души к душе, Туберозов отвергает официально-мертвенное и услужливо-опасливое требование церковных властей, «дабы в проповедях прямого отношения к жизни делать опасался, особливо же насчёт чиновников». Савелий, по его словам, «из-под неволи не проповедник» [IV, 44]. Он стремится «насаждать в души семена добра», воспитывает прихожан не в букве, а в духе христианских идеалов, указывая на живые примеры самоотверженной любви к ближнему (полунищий Константин Пизонский призрел брошенного младенца, стал «питателем сирых»). Болея душой за судьбу Родины, Савелий Туберозов убеждён, что нельзя жить «без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих... это сгубит Россию» (IV, 183).

Для церкви, задавленной государственностью, прошло «время слов», нужны подвиги. Бесстрашный проповедник собирает в храме всех власть имущих и обличает их «бесстрастное равнодушие к добру и злу», «кривосудство», «великую утрату заботы о благе Родины», «небрежение о молитве», «сведённой на единую формальность». Отец Савелий порицает «наёмничью молитву» и «торговлю совестью» [IV, 231]. На смену умиротворённому любованию «старой сказкой» [IV, 152] патриархальной жизни приходят внутренний накал и драматическая напряжённость.

Проникнутая освободительной правдой проповедь Туберозова была воспринята чиновно-бюрократическим аппаратом как «революция» и «бунт». С этого момента жизнь опального протопопа переходит в «житие». К концу хроники умирают все три героя «старгородской поповки». Несмотря на их

треволнения, страдания, муки под тяжестью возложенного на себя креста, «Соборяне» оставляют благоговейное впечатление. По словам критика, «на глазах читателя совершается художественное таинство, граничащее с таинством религиозным».

Добиваясь «эпического равновесия» в обрисовке соотнесённости прошлого и настоящего русской жизни, Лесков всё чаще обращался к жанру хроники: «Старые годы в селе Плодомасове» (1869), «Захудалый род» (1874). Свободная форма не требовала, как в романе, «закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра. В жизни так не бывает» [V, 279]. Напротив - «жизнь человека идёт как развивающаяся со скалки хартия, и я её так просто и буду развивать лентою в предлагаемых мною записках» [V, 280], - так размышлял писатель о теории жанра в хронике «Детские годы. Из воспоминаний Меркула Праотцева» (1874).

В хронике «Смех и горе» (1871), первую публикацию которой сопровождало посвящение: «Всем находящимся не на своих местах и не при своём деле», - Лесков представил свою концепцию русской жизни с её мозаичной пестротой, калейдоскопической сменой непредсказуемых ситуаций, анекдотических «сюрпризов и внезапностей», которые поджидают человека на каждом шагу: «что ни шаг, то сюрприз, и притом самый скверный» [III, 383].

В жизни России нет никакой стабильности, постоянства, кроме «притеснений». Герой-рассказчик дворянин Орест Маркович Ватажков обескуражен общественным лицемерием, цинизмом, ложью, насилием над личностью. Вездесущий «голубой купидон» Постельников воплощает господствующий порядок полицейского государства с его системой предательства и провокаций. Болезненная правда заключается в том, что в жизни всё хрупко, алогично, абсурдно, так что становится «за человека страшно». Герой, выпоротый «невзначай» по ошибке, погибает у «здания новой судебной палаты».

Социально-политический, национально-исторический, религиозно-нравственный, философский аспекты «встроены» в систему разнополярных координат «смеха и горя». Сатира хроники подобна гоголевской - «сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слёзы». Лесков в «открытом письме» П.К. Щебальскому подчёркнул: «смех мой - не смех злорадства, а смех скорби» [X, 550]. Писатель показал трагикомическое несоответствие реальности идеалу. Благородной натуре сложно вырваться из водоворота социологических парадоксов и метаморфоз. Человек не в состоянии управлять своей судьбой, его стремления бессильны перед запутанным клубком разнонаправленных желаний и целей других людей.

Это одно из этапных произведений Лескова. Позднее он признавался: «Я стал думать ответственно, когда написал «Смех и горе», и с тех пор остался в этом настроении - критическом и, по силам моим, незлобивом и снисходительном» [X, 401 – 402].

Стихия трагикомического - «драмокомедия» как выражение «трагических усмешек судьбы» - нашла воплощение в шедевре Лескова «Очарованный странник» (1873). Писатель проследил историю жизни Ивана Северьяновича Флягина - настоящего русского богатыря по физической силе и духовной мощи. «Одиссея» жизненного пути с его разнообразными «очарованиями» разворачивается перед «чернозёмным Телемаком» (таков был один из вариантов заглавия) подобно вечному странствованию человека по дорогам жизни - «от одной стражбы к другой». Внешне напоминающий былинного Илью Муромца «очарованный странник» столь же эпичен: герой олицетворяет национальный опыт и сам дух нации, эволюцию характера русского человека, его духовное восхождение. В финале он становится монахом. Но это ещё не конец его пути-дороги. Он жаждет эпического подвига. Последнее «очарование» «богатыря-черноризца» - «помереть за народ».

«Сага» Ивана Северьяновича - затейливая сказовая речь во всей её многокрасочности - звучит на борту судна, плывущего по Ладоге. За год до создания «Очарованного странника» Лесков написал цикл «путевых заметок» «Монашеские острова на Ладожском озере» (1872) - итог своего путешествия по русскому Северу - средоточию православных монастырей. В воображении автор пытался восстановить истории жизни своих спутников-монахов. Почему они бежали от мирской суеты? Какие беды оставили позади? Чьи грехи искупали? Что привело их к тому, чтобы отказаться от мира и сосредоточиться на мыслях о Боге? Ответы на эти вопросы даны в повести «Очарованный странник», герой которой исповедал свою жизнь «со всею откровенностью своей простой души».

Глубинные религиозно-нравственные устои народной жизни, эмоциональную и эстетическую отзывчивость русского человека воплотил Лесков в общепризнанном шедевре «Запечатленный Ангел» (1873), который «нравился и царю, и пономарю» [XI, 406]. Это уникальное литературное творение, в котором главным «действующим лицом» становится икона. В тот же год Лесков написал статью «О русской иконописи», в которой указал на огромное значение иконы в жизни народа, ратовал за возрождение русского иконописного искусства. Сам писатель в «Запечатленном Ангеле» выступил как искусный «изограф»-иконописец, передавая в слове «неописуемую» предивную красоту русских икон, «тип лица небожительный» [1, 423].

Своё творение автор снабдил подзаголовком «рождественский рассказ». Однако по объёму это скорее повесть, в развёрнутом сюжете которой соблюдены все правила и каноны святочного жанра. Писательское мастерство столь велико, что жанровые условности не ограничивают, а наоборот - стимулируют фантазию и изобретательность художника. Именно такой творческий подход Лесков сохранил и тогда, когда святочный рассказ стал постоянным жанром его писательского репертуара 1880-х - начала 1890-х годов. Автор гордился тем, что именно после его «Запечатленного Ангела»

святочные рассказы «опять вошли в моду» [XI, 406] то есть стала возрождаться и развиваться традиция целого уникального пласта русской культуры.

Кроме того, первый опыт рождественского рассказа воздействовал не только на литературный процесс (пасхальный шедевр А.П. Чехова «Святою ночью» (1886) - этюд в лесковской манере), но и на дальнейшие творческие искания самого Лескова. Именно «святочная модель» - та жанровая канва, которая зарождалась в «Запечатленном Ангеле», - была спроецирована затем на многие лесковские произведения из циклов «Святочные рассказы» (1886) и «Рассказы кстати» (1886).

Непременное в святочном повествовании «чудо» в «Запечатленном Ангеле» - ключевое слово и образ. Весь комплекс «чудес», «дивес», «преудивительных штук» на глазах «дивозрителей» неуклонно подводит к главному чуду - осуществлению желания «воедино одушевиться со всею Русью». Прорыв старообрядческой замкнутости в большой мир, отказ от религиозного догматизма, соединение людей разных национальностей, конфессий, общественного положения - все эти важнейшие итоги общечеловеческой солидарности базируются на сокровенной вере Лескова в то, что все - «уды единого тела Христова! Он всех соберёт!» [1, 436]. Писатель выводит традиционную в святочном рассказе идею сплочения из тесных рамок семейно-бытового круга на уровень вневременной, межнациональный, общечеловеческий. Это тем более важно, что Лесков с болью наблюдал распад человеческих связей: «с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы всё казалось обновлённое, как будто и весь род русский только вчера наседка под крапивой вывела» [1, 424].

Однако даже в атмосфере «суетного и суетливого времени» писатель одушевлён верой в духовность человека. Иконописный лик Ангела остался неповреждённым под чиновничьей сургучной печатью. Праведный старец Памва иносказательно предсказывает грядущее «распечатление» Ангела:

«Он в душе человеческой живёт, суемудрием запечатлен, но любовь сокрушит печать». Не дать порваться связи времён и поколений, восстановить «тип высокого вдохновения», «чистоту разума», который пока «суете повинуется», поддержать «своё природное художество» [I, 424] - таковы главные цели автора.

Тема праведничества - магистральная в творчестве Лескова. Идея цикла «Праведники» (1879 - 1889) кристаллизовалась с самого начала творческого пути художника. Почти в каждом его произведении, начиная с ранних, оживают типы людей «высокой пробы» всех сословий и званий, которые представляют собой «отрадные явления русской жизни». В этом отношении Лесков - уникальная фигура в истории русской словесности. Писатель, «как очарованный, сподобился всю жизнь стоять перед чудом человеческого подвига и подвижничества, и до конца понял и схватил эту героическую стихию». Праведники, написанные по внутреннему заданию «оправдать Русь», своеобразные, колоритные, иногда причудливые, воспроизводят светлые явления русской жизни.

В предисловии к рассказу «Однодум» (1879) с целью опровержения крайне пессимистического заявления А.Ф. Писемского, объявившего, что он видит во всех своих соотечественниках одни только «мерзости», Лесков возвестил: «Мне это было и ужасно и несносно, и пошёл я искать праведных, пошёл с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трёх праведных, без которых «несть граду стояния»» (VI, 642). «У нас не переводились, да и не переведутся праведные, - утверждал писатель в рассказе «Кадетский монастырь» (1880). - Их только не замечают, а если стать присматриваться - они есть».

Лесковские праведники воплощают идеал активного, деятельного добра. Самоотверженная любовь к ближнему в соединении с настойчивым практическим деланием - основной признак и качество праведности. «Это своего рода маяки», - утверждал писатель в очерке «Вычегодская

Диана (Попадья-охотница)» (1883), развивая концепцию «героев и праведников».

Лесков не устает восхищаться характерами, хранящими в себе особенные, оригинальные и высоконравственные черты, «живой дух веры». Персонажи, принадлежащие к праведническому типу, как характеры живые, полнокровные наделены индивидуальной неповторимостью: каждый из героев воплощает собственное духовно-субстанциональное начало, отражённое в различных явлениях социально-этического порядка. Таковы, например, неподкупность «неберущего квартального» Рыжова («Однодум»), бессребреничество Николая Фермора, стремление к святости Брянчанинова и Чихачёва («Инженеры-бессребреники»), совестливость, благородство, участливость Перского, Боброва, Зеленского и отца-архимандрита («Кадетский монастырь»), духовный свет «русских богоносцев»-священнослужителей («Некрещёный поп», «Владычный суд», «На краю света»), патриотизм и талантливость левши («Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе», где Лесков достигает таких вершин мастерства узорчатой сказовой речи, в которой «русский дух» и «Русью пахнет», что перевод этого художественного шедевра на иностранные языки становится неразрешимой проблемой). Готовы на подвиг самоотвержения во имя высокого человеколюбия герои рассказов «Павлин», «Пигмей», «Русский демократ в Польше», «Несмертельный Голован», «Тупейный художник», «Человек на часах», «Пугало», «Дурачок», «Томление духа», «Фигура» и других.

Лесков поднимает вопрос о праведническом подвижничестве на религиозно-философский уровень, связывая основополагающие принципы религии с насущными задачами социальной жизни. Его «маленькие люди с просторными сердцами» не канонические святые, но их «тёплыми личностями» согревается жизнь. Праведность возвышается «над чертой простой нравственности», и потому сродни святости, - размышлял писатель в «Русских антиках» (1879). В статье «Два слова о редстокистах» (1876) он

говорил «об оправдании живою, действительною верою, т. е. верою и делами»: «Нужны подвиги, подвиги благочестия, правды и добра, без которых не может жить в людях дух Христов, а без него суетны и тщетны и слова, и поклонения».

Параллельно с рассказами о праведниках Лескова создавал цикл «проложных» повестей (1886 - 1891) - «византийских легенд», «сказаний», «апокрифов», основанных на житийных сюжетах древнепечатного «Пролога». Произведения из раннехристианской жизни Египта, Сирии, Палестины «Лучший богомолец», «Прекрасная Аза», «Легенда о совестном Даниле», «Лев старца Герасима», «Скоморох Памфалон», «Зенон-златокузнец» (впоследствии - «Гора») и другие под своеобразной декоративно-художественной тканью древних красок и образов выводили проблему праведничества на уровень межнациональный, вселенский, утверждали вневременные религиозно-нравственные идеалы.

Многие из «византийских легенд» создавались под влиянием этико-философских воззрений Л.Н. Толстого, с которым «совпал» Лесков. Толстой в свою очередь писал о Лескове: «Какой умный и оригинальный человек» [XI, 826]. В то же время Лесков не принимал «крайностей» «яснополянского мудреца» и его восторженных подражателей. Полемизируя с ними в статьях «О рожне (Увет сынам противления)» (1886), «Загробный свидетель за женщин» (1886) Лесков продемонстрировал «разномыслие» с Толстым, самостоятельность религиозно-философской позиции. Православное по сути лесковское мироощущение во многом определяло своеобразие поэтики его поздних произведений. Так, аллегорический образ героини, истинное имя которой Любовь, в сказке-притче «Маланья - голова баранья» (1888), как и образы многих женщин-праведниц в творчестве Лескова, напоминает сострадательно-одухотворённые женские лики русских икон.

В рассказе «По поводу «Крейцеровой сонаты»» (вариант заглавия - «Дама с похорон Достоевского») - (1890) Лесков вступил в творческий

диалог и мировоззренческую полемику с Достоевским и Л. Толстым, противопоставляя их суровому этическому максимализму милосердный, божеский взгляд на морально-нравственные проблемы: «Бог вам судья в этом деле, а не я <...> победите самую себя, а не убивайте других, делая их несчастными». В своём «художественном поучении» Лесков выступил и как проповедник христианских истин, и как духовный наставник своих читателей.

В циклах рассказов из жизни церковного быта «Мелочи архиерейской жизни» (1878 - 1880), «Заметки неизвестного» (1884), поверхностно воспринятых как антиклерикальные, писатель «расчищал подходы к храму», в котором, по его убеждению, должны служить только чистые сердцем, наделённые высочайшей духовностью слуги Божии. Лесков критиковал не идею Церкви, а людей, считающих себя ей причастными, однако далеко отстоящих от её идеалов. «Выметая мусор» [XI, 581] из храма, автор «Мелочей архиерейской жизни» создал в то же время «уповательные» образы русского православного духовенства, которые явились «болеутолителем» для Лескова, глубоко страдавшего при виде внутренних церковных «нестроений».

В 1889 г. был запрещён и приговорён к сожжению отпечатанный VI том Собрания сочинений Лескова, куда вошли «Мелочи архиерейской жизни». Ранее за очерк «Поповская чехарада и приходская прихоть» (1883) писатель был уволен со службы в министерстве народного просвещения. Цензура продолжала преследовать Лескова. «У меня целый портфель запрещённых вещей», - говорил писатель.

В последние годы жизни и творчества - с 1891 г. по 1894 г. - Лесков создаёт произведения, открыто направленные против правящей «элиты», сурово обличающие российскую «социабельность»: «Полунощники», «Юдоль», «Импровизаторы», «Загон», «Продукт природы», «Зимний день», «Дама и фефёла», «Административная грация», «Заячий ремиз».

Усиление социально-критического пафоса поздних лесковских рассказов и повестей связано, прежде всего, с созидательным «стремлением к высшему идеалу». Вслед за Тертуллианом Лесков был уверен, что «душа по природе христианка»/ Поэтому неудивительно, что произведения, полные горечи и сарказма, освещаются изнутри светом Божественной истины. Знаменательны слова тёти Полли в «рапсодии» «Юдоль» (1892): «Надо подниматься!» [IX, 298].

Герой «прощальной» повести Лескова «Заячий ремиз» (1894) Оноприй Перегуд видит «цивилизацию» в сатанинском коловращении «игры с болванами», социальными ролями, масками. Всеобщее лицемерие, бесовское лицедейство, замкнутый порочный круг обмана и насилия над личностью отразился в Перегудовой «грамматике», которая только внешне кажется бредом сумасшедшего и заканчивается молитвой «за всех»: «Пожалей всех, Господи, пожалей!» [IX, 589].

Определение атмосферы, царящей в художественном мире писателя, представляется одной из важных задач при изучении содержательной стороны его творчества.

Атмосфера художественного мира писателя является наиболее прямым выражением его мироощущения. На него накладывает отпечаток оптимистическое или пессимистическое видение писателем современного мира и перспектив его развития.

Атмосфера художественного мира с трудом поддается описанию в научных терминах, но читателем воспринимается отчетливо как преобладающая грань творчества. При попытке коротко охарактеризовать атмосферу, господствующую в большей части произведений Лескова, мы почувствуем «трагикомический колорит в сочетании с очарованностью жизнью». Иными словами это «новеллистический» дух.

Е.М. Мелетинский описывает новеллу как жанр, выросший из сказки и анекдота. Во второй половине девятнадцатого века Лесков был одним из

немногих писателей, работавших в жанре новеллы. «Белый орел», «Дух госпожи Жаниис», «Зверь», «Маленькая ошибка», «Грабеж», «Путешествие с нигилистом», «Старый гений», «Обман», «Интересные мужчины», «Совместители», «Заметки неизвестного» – вот далеко не полный перечень произведений выполненных в духе новеллы.

И сказка и анекдот в повествовании Лескова – это полновесные «стихии» поскольку выступают в двух ипостасях:

Анекдот – вставные истории «анекдотическая стихия бытового исторического с ее резкими контрастами литературного содержания и парадоксами неожиданными поворотами отчетливой повествовательной «изюминкой».

Сказка – жанровая структура сказочная очарованность, включающая в себя мотив жизни, испытания героя, а также такое построение сюжета, когда события начинаются с беды, а кончаются идиллией.

Воспроизведение в художественном мире Н.С. Лескова новеллистической атмосферы, обусловлено типологической близостью мировосприятия писателя к мироощущению эпохи Возрождения, когда сформировался жанр новеллы¹².

Центральный герой Лескова подобно герою новеллы эпохи Возрождения - человек активной жизненной позиции. Пафос эмансипации личности, индивидуальной инициативы и самостоятельности был также актуален для России пореформенного периода (после 1861 года), как и для Италии периода становления жанра классической новеллы. Такие герои Н.С. Лескова Иван Северьяныч Флягин («Очарованный странник») Несмертельный Голован и Павлин (из одноименных рассказов) сродни новеллистическому герою, на жизненном пути которого возникают препятствия-испытания в виде неординарных случаев.

¹² Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. -М.: «Герольдики» 1990.-С.26.

Случай у Лескова – не только поворотный пункт сюжета, но и проводник судьбы, как для отдельного человека, так и для всей страны. Случай отражает непредсказуемость жизненных поворотов, лежащую в основе новеллистической композиции.

О новеллистическом восприятии Лескова говорит и его способность не только видеть и изображать всякие странности и курьезы русской жизни, но и извлекать захватывающе интересное из самого казалось бы заурядного жизненного материала. Любые, самые обыденные явления и ситуации, попадая в художественный мир Лескова, преобразуются в увлекательную историю, в острый анекдот или «в веселую старую сказку, под которую сквозь какую-то теплую дрему светло и ласково улыбается сердце»¹³. К Лескову полностью могут быть отнесены слова, сказанные им об одном из героев «Печерских антиков» Кесаре Берлинском: «Крылатый Пегас – импровизатор ударил звонким копытом и из сухой скучной материи полилась сага – живая сочная и полная преинтереснейших положений...»¹⁴

Итак, нам представляется несомненным, что характер атмосферы художественного мира Н.С. Лескова определяется сочетанием таких сторон его мировосприятия, как сказочная очарованность жизнью и острое ощущение ее странности, парадоксальности, курьезности.

Определяя эту атмосферу как новеллистическую, мы основываемся на разительном сходстве художественных принципов построения модели мира и выбора героя, а также сюжетосложения у Лескова и в мировой новеллистической традиции.

Лесков на новом духовном и эстетическом уровне подвёл итоги темам и проблемам, которые он разрабатывал на протяжении всего писательского пути. Духовное прозрение героя в финале «Заячьего ремиза» знаменует обостренную духовную зоркость и самого автора.

¹³ Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М.: «Герольдики» 1990.-С.161.

¹⁴ Там же.-С.149.

В то же время повесть требует основательной дешифровки, поскольку сам писатель предупреждал о том, что в ней есть «деликатная материя», что всё «тщательно маскировано и умышленно запутанно» (XI, 599 - 600).

От добровольно возложенной на себя обязанности «выметальщика сора из храма» Лесков в последние годы переходит к реализации своего высокого творческого призвания к художественной проповеди. Так, в рассказе «Под Рождество обидели» (1890) он убеждает читателя вместе с автором приобщиться к поискам истины: «Читатель! будь ласков: вмешайся и ты в нашу историю <...> обдумай - с кем ты выбираешь быть: с законниками ли разноглагольного закона или с Тем, который дал тебе «глаголы вечной жизни»...» [III, 205].

Лесков - писатель «непостыдной совести», которая требовала особого рода духовного призвания и творческого созидания. «Литература - тяжёлое, требующее великого духа поприще», - говорил он. Несмотря на критический пафос, вызванный горячим желанием видеть свою Родину «ближе к добру, к свету познания и к правде», каждой лесковской строке свойственна «скрытая теплота» (так называлась одна из поздних статей Лескова с эпиграфом: «Скрытая теплота не поддаётся измерению»).

Особенность творчества Лескова такова, что за конкретно-историческими фактами русской реальности у него всегда проступают вневременные дали, открываются духовные перспективы, «мимотекущий лик земной» соотносится с вековечным, непреходящим. «Думаю и верю, что «весь я не умру», - писал Лесков за год до смерти - 2 марта 1894 года, - но какая-то духовная постать уйдёт из тела и будет продолжать вечную «жизнь».

II. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ В ОЧЕРКЕ

Н.С. ЛЕСКОВА «КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ»

2.1. Идеи гуманистического воспитания

Сущность понятия «гуманизм» по определению «Философского энциклопедического словаря» состоит в том, что человек становится «центром внимания» мыслителей художников ученых. Ориентировочно это понятие появилось в XVII веке в Европе, тогда же было обращено внимание на психолого-педагогический аспект гуманистической теории в воспитательной сфере.

Что же такое гуманистическая система воспитания? Возникла ли она одновременно с термином «гуманизм»? Какие имеет особенности на современном этапе и перспективы развития?

Говоря о практическом проявлении гуманизма в педагогической практике, нельзя не вспомнить о Древней Греции. Сократ и Платон – основоположники «школ под открытым небом» – строили свои отношения с учениками на основе взаимоуважения. Это может быть основой исходного постулата гуманистической системы воспитания – ориентации на воспитанника, уважения его подлинных интересов помощи в неискаженном осознании их.

С точки зрения гуманистической теории воспитания психически и физически социально здоровому ребенку не свойственны ни крайний эгоизм, ни агрессивность, ни лень. Если такие качества проявляются, то это как раз противоестественное искажение природы человека.

Таковы два взгляда на природу человека. Они определяют две стратегии поведения: добиваться «всеми мерами» исполнения тех требований, которые изначально сформулированы кем-то для ребенка или же умение слушать ребенка, вести с ним диалог, помогать ему понять себя, выразить себя, состояться как человеку.

Современная педагогика различает два подхода к гуманистической системе воспитания – узкое и широкое.

Широкое толкование сродни идеологическому понятию гуманистической воспитательной системы. Эта идеология также не абсолютно нова для педагогической мысли.

Собственно гуманистическая система воспитания есть реальное применение основных положений этой философии в теории и практике воспитания.

Гуманистическая традиция педагогической мысли, классиками которой были Л.Н. Толстой (идея свободного обучения), Ф.М. Достоевский («жалость»), В.Г. Белинский (светское воспитание), К.Д. Ушинский (создание русской системы воспитания на основе народности), Н.К. Крупская (идея совместного воспитания мальчиков и девочек), А.С. Макаренко (идея коллективного воспитания), С.Т. Шацкий (идея опережающей цели воспитания), В.А. Сухомлинский (идея индивидуального подхода в коллективе).

Широкое понимание гуманистической системы воспитания не ограничивается восстановлением прекрасных лозунгов и эффективных приемов. Ее значение для теории и практики воспитания значительно шире, поскольку воплощение ее идей и методов полностью преобразует целый ряд привычных стереотипных казавшихся вечными положений административной педагогики.

Гуманистическая система воспитания делает сильный ход против «воспитывающего обучения» административной педагогики. Здесь обучение школьников перестает теоретически рассматриваться и практически осуществляться как особая деятельность, оторванная от личности учащихся от их межличностного общения.

Принципы гуманистической системы воспитания – это принципы межличностного обучения построенного на уважении к чужому мнению, на

доверии, на освобождении учеников и учителей от взаимных подозрений недоброжелательства неискренности страха. Поэтому, по мнению А. Орлова, в гуманистической системе воспитания нет изолированных методик, но есть особый образ коллективной и творческой жизни, объединяющей воспитателей и воспитанников.

Этот подлинно демократический образ жизни не исключает разницу в опыте жизни, в знаниях, в нравственной зрелости педагога и ребенка. Но он предполагает безусловное равенство взрослого и ребенка даже самого маленького в праве на уважение, доверие, взаимную требовательность, как неременное условие плодотворного сотрудничества. Все дело в том, что требовательность, как и дисциплина, порядок, ответственность и ответственная самостоятельность. Здесь есть внутреннее осознанное принятое и совместно поддерживаемое качество жизни. Однако, со временем все это обеспечивает более глубинный процесс – демократизацию каждой личности. Тем самым новый образ общения, новый образ жизни – не самоцель, но средство воспитания развития новой личности, основной характеристикой которой является внутреннее чувство свободы собственного достоинства. Такая личность свободна от комплексов табу, и, следовательно, свободна для творчества в своих мыслях, действиях готова для ответственных решений и нравственных поступков.

Педагогическое сотрудничество предполагает снятие барьеров, разделяющих коллектив педагогов и коллектив детей, превращая и тех и других в единый общешкольный.

Учителя и воспитатели вместе с учениками и во главе их творчески решают общие жизненно-практические и учебно-воспитательные задачи по улучшению своей и окружающей жизни. Воспитатели вместе с воспитанниками думают, как лучше сделать нужное и радостное, осуществляют задуманное, оценивают сделанное, полагаясь на свой коллективный анализ и опыт предшественников.

Характеризуя далее принципиальные позиции новаторской педагогики надо заметить, что она принимает любого ребенка таким, каков он есть. Без этого невозможен прямой диалог с ним и, следовательно, действенная помощь его интеллектуальному и нравственному развитию.

90-е годы XX века принесли новое понимание понятия «гуманистическая система воспитания».

В основе их гуманистической системы воспитания лежат следующие идеи:

- личностный подход в воспитании признание личности развивающего человека высшей социальной ценностью;
- природосообразность воспитания, которая предполагает обязательный учет половозрастных особенностей учащихся;
- культуросообразность воспитания опора в воспитании на национальные традиции народа его культуру национально-этническую обрядность привычки;
- гуманизация межличностных отношений;
- опора на сознание поведение и чувства ребенка в равной мере;
- деятельностный подход в воспитании организация жизнедеятельности учащихся как основа воспитательного процесса;
- дихотомический подход к организации воспитательного процесса позволяющий избежать примитивной однозначности в толковании и реализации целей воспитания;
- дифференциация воспитания предполагает отбор его содержания форм и методов с учетом специфических позиций детей и взрослых в воспитательном процессе.
- средовой подход к воспитанию включает в себя различные варианты взаимодействия учебного заведения со средой.

Таким образом, гуманистическая система воспитания ориентируется на следующие принципы:

1. Человек – главный предмет воспитания.
2. Ориентир на универсальные общечеловеческие ценности, на воспитание человека способного к их сохранению и воспроизводству.
3. Особенности современной социально-педагогической ситуации, актуальность перехода от воспитания «частичного» человека к воспитанию целостной личности «внутреннего человека способного к саморазвитию и саморегуляции.
4. Следует помнить об опережающем характере цели воспитания, о необходимости проектирования тех качеств, которые понадобятся воспитаннику для жизнедеятельности и жизнотворчества в будущем.

Демократизация и гуманизация системы воспитания – объективное требование времени. Важно обеспечить открытую связь с учительской массой направлений внутренних диалогов. Даже если мы примем во внимание только внешнюю сторону предлагаемой системы воспитания, невооруженным взглядом заметна сложность ее практической реализации, поскольку важно «иметь доброе сердце высокую культуру современный профессионализм». Эти факторы неразрывно связаны и являются главным звеном успешности гуманистической системы воспитания, тем более, что «материал» для реализации этой системы есть в учебном материале многих школьных предметов в частности литературе.

2.2. Отражение гуманистической системы воспитания в русской литературе XIX века

Родственные связи педагогики и художественной литературы известны и признаны с давних времен, их функции близки. Педагогика дает научные знания о воспитании и образовании, а одной из функций литературы является ее дидактическая функция, ее учительный характер. Педагогика и

художественная литература прекрасно взаимодействуют, дополняют друг друга, углубляют, развивают и даже спорят. Их взаимодействие отражает важную тенденцию бытия человека - всеобщую заинтересованность в познании педагогической действительности, желание понять человека с педагогической точки зрения.

Русских писателей всегда привлекали дети, в которых они старались раскрыть те непреходящие ценности, которыми детство одухотворяет всю человеческую жизнь. Стремясь понять человека, они открывают истоки духовного роста своих маленьких героев: семья, родители и учителя, окружающая природа и обстановка быта, история Родины и великая русская литература. Не прибегая к прямолинейному дидактизму, истинный художник слова подает педагогические идеи через художественный образ, через художественную ткань произведений: их мы обнаруживаем в особенностях конфликтов, в перипетиях отношений между персонажами, в истории развития характеров героев, в их душевных переживаниях.

Выявление и изучение воспитательного потенциала русской художественной литературы - важнейшая и интереснейшая исследовательская задача, характеризующаяся ярко выраженной гуманистической направленностью, обличающая пороки современного ей общества, борющаяся за справедливость, наша литература заслуживает внимания не только филологов, но и педагогов-исследователей. Классическая литература во все времена была и остается вершиной художественного слова, источником воспитательных идей, носительницей гуманистических идеалов. На протяжении веков она являлась могучим средством педагогического воздействия на читателя. Благодаря литературе люди учились понимать и оценивать происходившие вокруг события, формировать свое поведение, строить жизнь.

История литературы — часть истории педагогики. Возникнув в сороковых годах XVIII века в русле классицизма и многое заимствовавшая у

европейских классиков, русская художественная литература за первое столетие своего существования последовательно осваивала другие основные направления: сентиментализм, романтизм, ранний реализм, обретя в процессе развития национальную самобытность и выйдя на передовые позиции в мире. Переняв у древнерусской литературы ее педагогическую направленность, опираясь на богатые воспитательные традиции народного творчества, используя в качестве сюжетов драматические события российской истории, писатели различных направлений и жанров в отсутствие в стране научной педагогики выступили проводниками гуманистических и патриотических идей, способствовали нравственному очищению общества, воспитанию в своих читателях гражданских чувств.

Возникнув для удовлетворения читательских интересов дворянства, русская художественная литература по мере своего становления и роста образованности населения расширяла кругозор читателей, неся прогрессивные идеи в массы. Знакомя читателей с жизнью всех сословий, она вызывала интерес и уважение к народу в целом, формировала основы гуманных отношений в обществе, способствовала воспитанию чувства национального единения.

Несмотря на общность корней и сравнительную молодость, русская художественная литература обладала по сравнению с западноевропейской значительно более высоким воспитательным потенциалом. Условиями, обеспечившими развитие воспитательной направленности нашей литературы на протяжении истории выступали: ограниченность средств массового влияния на людей на начальном этапе развития отечественной литературы; богатство воспитательных традиций народного эпического творчества, явившегося наряду с западноевропейскими канонами базовым основанием ранних художественных произведений; использование литературы в интересах реализации регионально ориентированной культурно-

образовательной политики многонациональной империи; позитивно-критическое отношение первых писателей к окружающей действительности; традиционно присущая истинным людям готовность к восприятию содержащихся в книгах воспитательных идей, их вера в печатное слово.

Немаловажную роль в обеспечении действенности воспитательного влияния художественной литературы сыграло развитое чувство гражданской ответственности авторов, их стремление способствовать позитивным изменениям в обществе. Ставя перед собой самые широкие воспитательные задачи, русские писатели XVIII - первой половины XIX веков старались дать ответы на самые злободневные вопросы современности, вести за собой читателя, дать ему примеры для подражания. Не меньшее значение имел и высокий уровень художественного творчества, умение лучших авторов показать внутренний мир своих героев, глубокий психологизм литературных произведений.

В русской литературе XIX века немало страниц посвящено проблемам педагогики. С одной стороны это наследие эпохи Просвещения, с другой – историческая и культурная необходимость. Следовательно, гуманистическая направленность русской литературы этого периода – это культурная реалья. Разные писатели освещали эту проблему по-разному, поскольку имели индивидуальный взгляд на закономерности и принципы построения воспитательного процесса.

Например, у В.А. Жуковского гуманизм проявляется в рассуждениях о судьбах человеческих, субъективном интересе к внутреннему миру человеческой души; у К.Ф. Рыльева (кстати, воспитанника кадетского корпуса) – в любви к народу, выразившейся в реальных действиях; гуманистическая концепция в пушкинском понимании – это сочетание возрожденческой телесности романтической субъективности и реалистического описания ситуаций межличностного общения. Несмотря на внешний гуманистический пафос, их живой интерес к конкретным

человеческим судьбам в их произведениях непосредственно не представляется в концептуально-стройном виде, репродуцируя лишь собственный опыт «светского» воспитания: «Мы все учились понемногу...». Концептуальное изложение гуманистической системы воспитания получила во второй половине XIX века Л.Н. Толстым Ф.М. Достоевским Н.Г. Чернышевским М.Е. Салтыковым-Щедриным Н.С. Лесковым и др.

Н.Г. Чернышевский, являясь педагогом по образованию, предлагает в романе «Что делать?» методику воспитания «нового человека». В основе ее лежит идея «разумного эгоизма» (поступать так из эгоистических побуждений ради собственной выгоды, которая заключается в том, чтобы бороться за счастье других людей). Гуманистическая идея у Чернышевского имеет субъектную природу: она должна «прорасти» в сердце каждого, поскольку бороться за счастье народа можно только по велению сердца, по влечению «своей природы». Особенностью революционного гуманизма Н.Г. Чернышевского заключается в том, что он ставит личные интересы чувства ниже интересов и чувств окружающих: «человек не имеет права отнимать счастье у другого человека ни своими поступками, ни мыслями, ни даже молчанием». Другая особенность – это прерогатива будущего над настоящим: нельзя жалеть себя сегодня, потому что это – цена за завтрашнее счастье всех и каждого.

Л.Н. Толстой писал своей родственнице: «Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных...Ломоносовых...» В основу своей педагогической системы положил идею свободного обучения, основанного исключительно на развитии познавательного интереса детей. Педагогические воззрения Толстого давали «знать о себе» в произведениях писателя: толстовские герои постоянно чему-нибудь учатся – наукам любви, жизни, общественным оценкам... Гуманистический характер воззрений Толстого проявляется, прежде всего, в отношении к детям (Пете и Наташе Ростовым из «Войны и

мира» Сереже из «Анны Карениной»). Дети у Толстого – непосредственные, искренние, честные воспитываются свободно «по велению души», но обязательным элементом воспитания является труд.

Гуманизм Ф.М. Достоевского проявляется, в первую очередь, к тем кто не может постоять за себя: маленьким детям («ведь дети. Жалко» – говорит Иван Карамазов Алеше), животные (лошадь забитая насмерть в воспоминаниях Родиона Раскольников), убогие (Смердяков Мармеладов князь Мышкин и др.). Таким образом, по Достоевскому - это сострадание жалость к ближнему. Следовательно, гуманистическая система воспитания по Достоевскому соотносится с христианским воспитанием, в результате которого ребенок должен «как должное» принимать все, что дает судьба. Но, несмотря на это «слабые герои» в произведениях Достоевского зачастую гибнут под напором обстоятельств или «сильных героев»: Мармеладов гибнет под копытами лошади («Преступление и наказание»), нищий мальчик замерзает на зимней улице («Мальчик у Христа на елке»), Смердяков кончает жизнь самоубийством («Братья Карамазовы»)… Казалось бы, это проявление антигуманистических традиций, но описываемые обстоятельства – это только отношение к «беззащитным существам со стороны общества. Для Достоевского все «несчастья человеческие» – это повод обратить внимание на «униженных и оскорбленных» и посочувствовать им.

М.Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города», «Господах Головлевых», «Губернских очерках», сказках говорит о зависимости результата воспитания от его процесса и мироощущения. Писатель-сатирик неоднократно «переворачивает» идею воспитания», говоря о его классовом характере. Гуманизм Салтыкова-Щедрина – это уделение внимания людям всех сословий и психических складов. Высмеивая их типичные недостатки, он заставлял задуматься о собственной жизни. Это неперенное условие воспитания общества.

Н.С. Лесков понимает под гуманизмом описание народной жизни «изнутри», интерес к внутреннему миру конкретного человека, справедливое отношение к каждому, христианское отношение ко всем людям. Гуманистическая система воспитания в произведениях Лескова, в отличие от места ее в произведениях его предшественников и современников, представлена наиболее полно: в произведениях дается не только ее идейная основа, но и практическая реализация. Наиболее ярко это выражается в рассказе «Приведение в Инженерном замке», очерке «Кадетский монастырь». Прежде чем приступить к анализу текста очерка, сделаем несколько замечаний, касающихся условий жизни и творчества Н.С. Лескова.

Наибольшее внимания заслуживает тот факт, что Лесков писал свои произведения на основе жизненного материала, общаясь с людьми разного социального и материального положения, «живя с ними одной жизнью». Поэтому его произведения становились не только фактом литературной жизни, но и событием в любой отрасли гуманитарного знания.

Психолого-педагогическая и методическая база творчества Лескова освещена в работах Е. Добиная, Л.А. Евстигнеевой, Г.Н. Есипенко и других исследователей.

2.3. Отражение темы воспитания в очерке Н.С. Лескова «Кадетский монастырь»

Очерк «Кадетский монастырь» был написан в 1880 году и опубликован в цикле «Праведники». Бурно текущая в это время полемика «об истинном значении дворянства», участником которой был Лесков, подтолкнула его к изучению «истоков» дворянства XIX века, особенностей их воспитания и как следствие – психологического склада дворянства этого временного периода.

В истории существуют противоречивые сведения о кадетском корпусе: одни источники (Сборник документации по учебным заведениям г. Санкт-Петербурга 18-19 вв./Рукописный сборник. Архив Публичной библиотеки г. Санкт-Петербурга) говорят, что «условия жизни там были невыносимые», «ужасное питание», «методы воспитания – «тоталитарные», вследствие чего, воспитанники не раз сбегали оттуда, но каждый раз насильственно возвращались». Другие (воспоминания бывших кадетов) говорят о чутком и внимательном руководстве корпуса, «духе товарищества» и честности, царившей в стенах учебного заведения. На наш взгляд, ни одно мнение не может претендовать на «звание» объективного. Скорее всего, существовали и те и другие факты.

Работая над произведением «Кадетский монастырь», Лесков опирался на подлинные данные – воспоминания бывшего кадета Г.Т. Похитонова, оформленные в виде стенограммы. Поэтому есть основания утверждать, что перед нами картина, передающая историческую реальность «глухого времени».

Н.С. Лесков неоднократно останавливался на описании жизни кадетского корпуса. Наиболее яркими являются «Приведение в Инженерном замке» и «Кадетский монастырь». И в том и в другом произведении дается описание учебного заведения: в первом – эмоциональное, во втором – конкретно-историческое. Артиллерийский и инженерный Шляхетный корпус – это закрытое учебное заведение, для детей дворян, существовавшее в 18-19 вв. в Санкт-Петербурге.

«В Петербурге во мнении многих... худою славою долго пользовалось характерное здание бывшего Павловского дворца, известное нынче под названием Инженерного замка. Таинственные явления, приписываемые духам и приведениям, замечали здесь почти с самого основания замка¹⁵.

¹⁵ Лесков Н.С. Кадетский монастырь/Собр. соч. в 11 т. Т. 6. М.: «Государственное издательство художественной литературы» 1957. –С.4.

«До воцарения императора Павла корпус был разделен на возрасты, а каждый возраст – на камеры. В каждой камере было по двадцати человек и при них были гувернеры из иностранцев, так называемые «аббаты» - французы и немцы. Бывали, кажется, и англичане, каждому аббату давали по пяти тысяч рублей в год жалованья, и они жили вместе с кадетами и даже вместе и спали, дежуря по две недели. Под их надзором кадеты готовили уроки, и какой национальности был дежурный аббат, на том языке должны были все говорить. От этого знание иностранных языков между кадетами было очень значительно и этим конечно объясняется, почему первый кадетский корпус дал так много послов и высших офицеров, употреблявшихся для дипломатических посылок и сношений.

Император Павел Петрович как приехал в корпус в первый раз по своем воцарении сейчас же приказал: «Аббатов прогнать, а корпус разделить на роты и назначить в каждую роту офицеров как обыкновенно в ротах полковых».

С этого времени образование во всех своих частях пало, а языкознание вовсе уничтожилось. Об этом в корпусе жили предания, не позабытые до той сравнительно поздней поры, с которой начинаются мои личные воспоминания о здешних людях и порядках»¹⁶.

Предложенные фрагменты описывают одно учебное заведение в разное время, однако, в читательском восприятии историческое время трансформируется в художественное, становясь деталью целостного образа. Поэтому есть основания предполагать, что документальные отзывы полярные по содержанию относятся к разным историческим промежуткам времени.

Трансформация «гуманизма в антигуманизм» происходила постепенно, начиная с мелочей.

¹⁶ Лесков Н.С. Кадетский монастырь/Собр. соч. в 11 т. Т. 6. М.: «Государственное издательство художественной литературы» 1957. –С.315-316.

Воспоминания кадета, пересказанные писателем, передают эти трансформационные нюансы с предельной объективностью, на которую «способно субъективное мнение».

Изображенный художественный образ кадетского корпуса дополняется архитектурными особенностями зданий. Первый кадетский корпус (до 1801 года) размещался в одноэтажном многокорпусном здании, а после – в Павловском замке. Контраст между этими зданиями визуально представляется всем, кто хотя бы немного знаком с архитектурой г.Санкт-Петербурга.

Особенностью художественного образа состоит еще и в том, что запись рассказа велась со слов воспитанника, который не застал первого здания корпуса «изнутри» однако в его рассказе рисуется именно оно.

Выше нами было дано определение гуманистической системы воспитания и ее основные принципы. Гуманистический характер литературы XIX века говорит о том, что проблема личностной ориентации воспитания была актуальной на протяжении этого периода развития педагогической мысли.

Н.С. Лесков в очерке «Кадетский монастырь» отразил ее особенности. Но теория педагогики и художественное произведение – это изложение разных уровней. В теории педагогики анализируется реальная ситуация с учетом социальных условий; в художественной литературе любая педагогическая система предстает в субъективном освещении художника в его индивидуальном понимании. Мы отметили, что мироощущение Лескова напоминает мироощущение человека эпохи Возрождения, а это значит что принципы Лескова как писателя заключаются:

- в уделении внимания «человеку внутреннему»;
- в субъективации народа;
- в изображении фигур «праведников»;

· в введении в повествование фигуры рассказчика (читатель как бы приближается к повествованию, становится дополнительным героем чувствует, что беседа ведется именно с ним)

Так как Лесков – писатель-гуманист по своей сути, то принципы гуманистической системы воспитания, также проявление его сущности (человек - главный предмет воспитания; ориентир на общечеловеческие ценности; восприятие «внутреннего человека», опережающее значение цели воспитания).

Эти принципы реализуются в очерке «Кадетский монастырь».

Рассказчик говорит о своих учителях как о живых людях, вспоминая о них с благодарностью. Эмоции буквально заражают читателя. Он не просто «видит» того, о ком ему рассказывается, он также «слышит» и «чувствует» присутствие описываемой личности в своей жизни, благодаря подробным портретным описаниям, характерным фразам, обилию личных глагольных форм в повествовании.

Личностное отношение рассказчика к главным героям очерка говорит о силе чувств, связывающих их в свое время: «вот мои воспитатели, которыми я задумал хвастаться на старости лет»¹⁷.

Директор генерал-майор Перский – бывший воспитанник этого же кадетского корпуса, исполняющий также должность инспектора учебного заведения во всем был примером для кадетов, начиная от внешнего вида («имел в высшей степени представительную наружность и одевался щеголем» «был одет самым форменным, но самым изящным образом; всегда носил тогдашнюю треугольную шляпу «по форме») до образца поведения («был постоянно занят нами» «мы тщательно старались подражать ему»¹⁸).

Авторитет он себе заработал не только безупречным внешним поведением, но и «дифференциацией обязанностей» («исключительно

¹⁷ Лесков Н.С. Кадетский монастырь/Собр. соч. в 12 т. -Т. 6. -М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1957. –С.317.

¹⁸ Там же.-С.318.

занимался по научной части» «отстранил от себя фронттовую часть и наказание за дисциплину, которых терпеть не мог и не переносил»). Это говорит о том, что Перский уважал личность своих воспитанников, наказание считал унижением. А самое действенное в его понимании являлось обращение к чувствам кадетов («Ду-ур-ной кадет!» в его устах служило горьким и памятным уроком, от которого заслуживший такое порицание часто не пил, не ел и всячески старался исправиться и тем «утешить Михаила Степановича»¹⁹).

Взаимная любовь директора и воспитанников, «чувствование» состояния друг друга говорит о том, что грамотный педагогический подход вызывает ответные чувства. Свою педагогическую деятельность Перский принимал как некое мессианство: «—Мне провидение доверило так много чужих детей, что некогда думать о собственных...». Таким образом, Перский считал воспитанников высшей ценностью, предпочитал психологические методы воспитания, воспитывал детей на своем примере.

Первым доказательством искренности чувств воспитанников к директору является долгая память о нем. Вторым—то, что кадеты считали его своим («А у Перского была и доблесть, которую мы дети считали своею, то есть нашею кадетскою, потому что Михайло Степанович Перский был воспитанник нашего кадетского корпуса и в лице своем олицетворял для нас дух и придания кадетства»). Третьим—благодарность за проявляемую регулярную заботу и заступничество («...своими откровенными и верноподданническими ответами отклонил от нас беду, и мы продолжали быть и учиться, как было до сих пор. Обращение с нами все шло мягкое человеческое, но уже недолго—близился крутой и жесткий перелом, совершенно изменивший весь характер этого прекрасно учрежденного

¹⁹ Лесков Н.С. Кадетский монастырь/Собр. соч. в 12 т. -Т. 6. -М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1957. –С.319.

заведения»). Четвертым—доверие «себя самого нашей совестливости и нашему рассудку»²⁰.

Эконом Андрей Петрович Бобров—по внешнему виду прямая противоположность Перскому: «засаленный-презасаленный» мундир, Анна на шее на ленте неопознаваемого цвета, но отношение к кадетам с его стороны было еще более теплым («у нашего бригадира эта любовь была простая и настоящая, которую не нужно было изъяснять и растолковывать, мы все знали, что он нас любит и о нас печется и никто бы нас в этом не мог разубедить»). Он все делал для того «чтобы мошенники были сыты» даже свои личные деньги тратил «на приданое» выпускникам («когда товарищ зайдет, чтобы было у тебя чем дать щей хлебнуть, а к чаю могут зайти двое и трое...»); «все до мелочей и вдаль на всю жизнь внушалось о товариществе и диво ли что оно было?»²¹). Внутренне не переносил наказаний своих воспитанников «ужасно трогательный был человек и сам растрогивался. Поэтически мог вдохновлять...». И кадеты платили ему ответным чувством («Кадеты его любили до той надоедливости, что ему буквально нельзя было показаться в такое время, когда мы бывали свободны. Если бывало случиться ему по неосторожности попасть в это время на плац...» то тотчас его окружали.

На первый взгляд такое отношение между воспитателем и воспитанником кажется фамильярным и неуважительным. Но с другой стороны, свободное поведение кадетов по отношению к эконому говорит только об отсутствии внутреннего страха перед ним и глубоком по-детски нежном чувстве.

Глубина и искренность этого чувства проявлялась через много лет, когда выпускники приезжали «вспомнить старика».

²⁰ Лесков Н.С. Кадетский монастырь/Собр. соч. в 12 т. -Т. 6. -М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1957. –С.321-327.

²¹ Там же.-С.329-333.

Доктор Зеленский при своей «невоздержанности на руку» четко выполнял свой долг: лечил больных и «всячески не допускал болезни», постоянно находился в кадетском корпусе, обедал за общим столом и при том, «не позволял ставить себе прибора, а садился, где попало и ел то самое чем питались мы»²².

Любовь доктора к воспитанникам корпуса выражалась не только в пристальном к их здоровью, но и стремлении восполнить пробелы в их знаниях («он любил нас он желал нам счастья и добра, а какое же счастье при круглом невежестве? Мы годились к чему-нибудь в корпусе, но выходили в жизнь в полном смысле ребятами, правда с задатками чести и хороших правил, но совершенно ничего не понимая. Первый случай первый хитрец при новой обстановке мог нас сбивать и вести по пути недоброму которого мы не сумели бы ни понять ни оценить как к этому быть равнодушным!»).

Зеленский был убежден в том, что в первую очередь при воспитании нужно воздействовать на чувства: добрые чувства залог доброго поведения. Его позиция является как бы прологом понимания сущности воспитания педагогами: «в жизнь надо внести с собою как можно более добрых чувств способных породить добрые же настроения, из которых в свою очередь непременно должно вытечь доброе же поведение. А потому будут целесообразнее и все поступки в каждом столкновении и при всех случайностях».

Об отношении кадетов к Зеленскому, прежде всего, говорит маленькая, но емкая фраза: «он был телом и душой наш человек», а также те эмоции, с которыми рассказчик говорит о поступках доктора.

Этот «наисправедливейший и великодушнейший человек», вполне заслужил любовь и доверие кадетов, их уважение в чем-то даже большее, чем

²² Лесков Н.С. Кадетский монастырь/Собр. соч. в 12 т. -Т. 6. -М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1957. –С.338.

остальные, поскольку подготовка к реальной жизни – это неоценимая заслуга.

Архимандрит «кадетами был любим удивительно» за то, что «навекки благодетельствовал», образовав {их} религиозное чувство».

«Проповеди его были неподготовленные», живые, теплые, «всегда направленные к подъему наших чувств в христианском духе».

Непосредственное общение с воспитанниками, понимание необходимости и значения личного примера, сочувствие и солидарность – это то, за что кадеты любили его.

Внутренняя сила архимандрита «распространялась» не только на души воспитанников, но и на следование принципам поведения в отношении церкви. Противостояние косности и ханжеству выразилось в поступке стоившему ему карьеры.

Все четыре «праведных» персонажа имеют общие черты: безусловную любовь к детям («Мне провидение вверило так много чужих детей, что некогда думать о собственных»; «У меня на руках тысяча триста детей, за жизнь и здоровье которых я отвечаю и на стороны разбрасываться не могу»; «Всякого наказанного он как-нибудь подзовет, насупится, будто какой выговор хочет сделать, но вместо того погладит что-нибудь даст и отпихнет: - Пошел мошенник вперед себя не доводи!»²³; «Архимандрит нас выслушивал терпеливо и утешал, что для чтения впереди будет еще много времени в жизни, но... наше корпусное образование очень недостаточно и, что мы должны это помнить и по выходе стараться приобретать познания») ответственность за качество их воспитания («Нам вверили их родители с четырехлетнего возраста... Следовательно, если они дурны, то в этом мы виноваты, что они дурно воспитаны. Что же мы скажем родителям? То, что мы довоспитали их детей до того, что их пришлось сдать в полки нижними

²³ Лесков Н.С. Кадетский монастырь/Собр. соч. в 12 т. -Т. 6. -М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1957. –С.331-342.

чинами») солидарность друг с другом в методах и стиле воспитания («Бобров заведывал всей экономической частью корпуса совершенно самостоятельно. Беспреданно занятый научной частью директор Перский совсем не вмешивался в хозяйство, да это было и не нужно при таком экономе как бригадир Бобров. К тому же оба они были друзья и верили друг другу безгранично»; «...они все были между собой согласны в том, что нужно для нашей выгоды и приписываю это именно той их крепкой друг в друге уверенности, что ни у кого из них нет более драгоценной цели, как наше благо»).

Таким образом, «портретная галерея» воспитателей, представленная Н.С. Лесковым в «Кадетском монастыре» полностью реализует представление о гуманистической системе воспитания: отношения воспитателей и воспитанников строились на принципах взаимного доверия и уважения, воспитанники представлялись для этих педагогов высшей ценностью, главным для воспитателей были психологические методы воздействия, поскольку они не переносили физических наказаний, педагоги осознавали перспективу своего воспитания.

Воспитанники, по словам рассказчика, любили своих наставников и всю жизнь «они жили в их сердцах».

«То время, когда все жалось и тряслось, мы целые тысячи русских детей, как рыбки резвились в воде, по которой маслом плыла их защищавшая нас от всех бурь елейность. Такие люди, стоя в стороне от главного исторического движения, как правильно думал незабвенный Сергей Михайлович Соловьев, сильнее других делают историю»²⁴.

Повествуя о «своих учителях» рассказчик Лескова оговаривается, что наряду с такими благороднейшими и справедливейшими личностями, в корпусе были другие педагоги и офицеры, которые вели себя «с точностью

²⁴ Лесков Н.С. Кадетский монастырь/Собр. соч. в 12 т. -Т. 6. М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1957. –С.347.

до наоборот», что является как бы свидетельством первому положению о «жестокости обращения в первом кадетском корпусе». «Гуманисты», «праведники» «монастыря» помогали ребятам сохранить живой душу, осознать свою личностную ценность и навсегда сохранить «дух товарищества».

Итак, о системе воспитания в кадетском корпусе, мы не можем сказать однозначно, поскольку существует ряд противоречивых свидетельств, основанных на реальных фактах. Однако повествование Лескова, точно передавая колорит эпохи, преподносит нам гуманистическое толкование системы воспитания в кадетском «монастыре». Субъект рассказывающий о времени своего кадетства помнил то, что помогало ему выжить в «глухую пору» правления Николая Первого.

В начале работы мы выдвигали гипотезу о том, что «подлинная» система воспитания в кадетском корпусе – это «пересечение» художественной и исторической правды. Наблюдения за текстом очерка позволили укрепиться нам во мнении, что воспитание не было ни крайне жестоким, ни крайне елейным. По сути, в данном случае мы имеем явление схожее с административной педагогикой советского периода, с той лишь разницей, что «военное воспитание» и по формам, и по методам соответствовало поставленной цели. «Гуманность» этой системы заключалось в том, что не только педагоги относились к воспитанникам по-человечески, но и ребята были воспитаны, так что они готовы были «драться с неприятелем, но после победы призывать раненых как своих».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Каждый писатель в своем произведении создает мир (который принято называть художественным), отличающийся не только от других художественных миров, но и от мира реального. Причем давно замечено, что в разных произведениях одного и того же писателя “миры” могут быть тоже разными, варьируясь в зависимости от характеров изображаемых героев, от сложности социальной или духовной обстановки, изображаемой автором. Сказанное относится в первую очередь к творчеству таких оригинальных и самобытных писателей, как Н. С. Лесков.

2. Мир Лескова неподготовленному читателю может показаться странным, мрачноватым, ведь его населяют в основном герои-“правдоискатели”, окруженные невежественными глупцами, для которых единственной целью является достаток и спокойствие. Однако благодаря силе неповторимого лесковского таланта в изображении героев преобладают жизнеутверждающие мотивы. Отсюда — ощущение внутренней красоты и гармоничности художественного мира. Герои Лескова удивительно чисты и благородны, их речь проста и вместе с тем красива, так как передает мысли, содержащие “вечные” истины — о силе добра, о необходимости милосердия и самопожертвования.

3. Гуманистическая система воспитания базируется на нескольких идеях: а) Идея реализма целей воспитания.

Всестороннее развитие личности — это идеал, к которому на бумаге стремилась педагогика. Реальная цель сегодня — разностороннее развитие человека, опирающееся на его способности.

Средством достижения этой цели — освоение человеком базовых основ культуры — культуры жизненного самоопределения. С одной стороны базовые основания культуры содержат общечеловеческие ценности, с другой — ценности, обретенные в ходе поступательного движения общества.

б) Идея совместной жизнедеятельности детей и взрослых.

Поиск совместно с детьми нравственных образцов духовной культуры деятельности, выработка на этой основе собственных ценностей норм и законов жизни составляют содержание работы воспитателя, обеспечивая активную личную позицию ребенка в воспитательном процессе. Без идеи сотрудничества нет питательной среды для пробуждения творческой природы воспитания.

в) Идея самоопределения.

Развивающее воспитание предполагает формирование целостной личности – человека с твердыми убеждениями. Самоопределение личности и есть процесс интеграции отдельных качеств в личностную направленность.

Важнейшая цель воспитания – культура жизненного определения человека. Культура жизненного самоопределения характеризует личность как субъекта собственной жизни.

г) Идея личной направленности воспитания.

В центре воспитательной работы должен стоять ребенок – высшая цель и смысл педагогической заботы. Индивидуальные особенности детей, их склонности и интересы, своеобразие характеров, их личное достоинство – подлежат внимательному изучению, должны во всех случаях учитываться и развиваться. Движение от ближайших интересов детей и развитие высоких духовных потребностей должно стать правилом воспитания и т.д.

4. В педагогике XIX века современные принципы гуманистической системы воспитания понимались несколько иначе, однако их глубинная сущность почти не изменилась. Возведение человека в «ранг» высшей ценности, свобода самоопределения, принцип природосообразности, трудовое воспитание – это те нюансы, которые отражались в литературе указанного периода.

5. Анализ очерка Н.С. Лескова «Кадетский монастырь» показал, что гуманистическая система воспитания отразилась следующим образом:

Директор Перский, эконом Бобров, доктор Зеленский, архимандрит любили своих воспитанников заботились о них, брали на себя ответственность за их поведение, в своих требованиях были солидарны между собой.

Цель воспитания в кадетском корпусе сводилась к тому, чтобы воспитать дух товарищества, честь, дать стимул к дальнейшему образованию.

Ориентация воспитателей на психологические методы воздействия интерес к личности конкретного воспитанника.

Воспитанники любили и уважали своих учителей, что выразилось в обилии личных глагольных форм, передаче характерных реплик и целых диалогов.

6. Гуманистическая система воспитания, отраженная в очерке «Кадетский монастырь», являлась индивидуальным педагогическим воззрением нескольких педагогов и не является полным художественным вымыслом, поскольку в основу произведения легли реальные воспоминания реального человека. Характеризуя особенности взаимоотношений между учениками и учителями, учитываются субъективный мир рассказчика, гуманистический склад Лескова, жанровые особенности его произведений, общая направленность литературы XIX века, исторические реалии того времени. Кроме того, идеи, легшие в основу гуманистической системы воспитания, также находят отражение в очерке Н.С. Лескова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И.А. Она юртимиз бахту икболи ва буюк келажаги йулида хизмат килиш – энг олий саодатдир.-Т.: Узбекистон, 2015.-303 с.
2. Каримов И.А. Юксак маънавият - энгилмас куч. -Т.: Маънавият, 2008.-174 с.
3. Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости.-Т: Узбекистан, 2011.-384 с.
4. Андреева Г.М.Социальная психология.-М.:«Просвещение»,1989.-350 с.
5. Аннинский Л. Лесковское ожерелье. -М.: «Просвещение» 1986. -523 с.
6. Аристотель. Риторика /Античные риторики. -М.: «Художественная литература» 1978. -246 с.
7. Афонин Л.Н. Слово о Лескове . - Курск, 1977. – 110 с.
8. Баранов М.П. Педагогика. -М.: «Просвещение» 1983. -420 с.
9. Видуэцкая И.П. Прошлое и настоящее в художественном мире Лескова/Лесков и русская литература. -М.: «Наука» 1988.-458 с.
- 10.Горький М. Н.С. Лесков // Собр. соч.: В 30 т. - М.: ГИХЛ, 1953. - Т. 24. - 420 с.
- 11.Горячкина М.С. Особенности сатиры в творчестве Н.С. Лескова/ Лесков и русская литература. -М.: «Наука» 1988. -480 с.
- 12.Дыханова Б.С. В зеркалах устного слова (Народное самосознание и его стилевое воплощение в поэтике Н.С. Лескова). - Воронеж, 1994.
- 13.Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. - М.: Худож. лит., 1984. - Т. 1. – 268 с.
- 14.Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. - М.: Правда, 1989.
- 15.Лесков Н.С. Кадетский монастырь/Собр. соч. в 12 т. -Т. 6. - М.: «Государственное издательство художественной литературы» 1957. – 685 с.

16. Ломунов К.Н. Русская классика в оценке Н.С. Лескова/ Лесков и русская литература. -М.: «Наука» 1988.- 480 с.
17. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М.: «Герольдики» 1990.- 285 с.
18. Нагибин Ю. О Лескове // Нагибин Ю. Литературные раздумья. - М.: Сов. Россия, 1977. – 296 с.
19. Новикова А.А. Николай Семёнович Лесков: своеобразие художественного мировосприятия. - Орёл: ОРЛИК, 2005. – 256 с.
20. Руссо Ж.Ж. Эмиль или о воспитании. -М.: «Просвещение» 1989. -150 с.
21. Соловьев В.С. Н.С. Лесков//Философия искусства и литературная критика. М.: «Наука» 1991.350 с.
22. <http://www.press-service.uz/>
23. [http:// www. krugosvet.](http://www.krugosvet.uz/)
24. LIV.KM.Ru – о творчестве русских писателей
25. VIP.KM.Ru – энциклопедический сайт
26. LITRA.RU – литературный сайт Интернета